

УДК 903.5

Э.Б. Вадецкая

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: admin@archeo.ru*

НОВОЕ О ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАСКАХ

В октябре 2004 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося сибирского археолога Александра Васильевича Адрианова. За год до своего 60-летия он был выслан из г. Томска (за высказанную в газете “Сибирская жизнь” поддержку стачки) в г. Минусинск, а уже в мае 1914 г. – в с. Ермаковское Минусинского уезда (за участие в создании газеты “Минусинский край”). Этими обстоятельствами объясняется та грусть, которой пронизано его письмо из с. Ермаковского от 17 июля 1914 г. к знаменитому географу-путешественнику Г.П. Потанину. “До 60-ти лет я прожил, а ни на чем не остановился, ничем основательно не занялся и никакого следа от себя не оставляю, не говоря уже о наследстве, – писал он. – А между тем желание работать, желание быть полезным всегда было. Теперь, сидя в деревне, я располагаю досугом, о котором мечтал, но я не умею использовать его – валится из рук всякое дело. По целым дням я читаю газеты, пишу письма и извожу время”*. А.В. Адрианов занимался не только археологией, но этнографией, публицистикой, издательской деятельностью, политикой, дослужился до чина статского советника и почти везде проявил свои незаурядные способности. В археологии Красноярского края с его именем связаны крупнейшие археологические раскопки, проводившиеся в конце XIX – начале XX в., сбор информации для составления археологической карты долин Енисея и свода наскальных рисунков; им найдены погребальные маски, куклы и т.д. Прошло 120 лет со времени его первых раскопок на Енисее (1883 г.), в результате которых были, в частности, обнаружены первые маски, и 100 лет –

его раскопок уникальных гробниц в горах Оглахты (1903 г.), сохранивших мумии, погребальные куклы, остатки ткани, одежды и деревянной утвари. Все могилы под насыпями А.В. Адрианов называл курганами, а без насыпей – могильниками [1903а, б]. В настоящее время могильниками называют все древние кладбища, а таштыкскими грунтовыми могильниками – те, которые по типу можно отнести к раскопанным в Оглахтах. Курганами по-прежнему именуют все могилы под разрушенными надмогильными сооружениями, за исключением больших коллективных таштыкских могил, которые (чтобы не смешивать с аналогичными по конструкции и имеющими маски поздними тагарскими [Вадецкая, Протасов, 2003]) условно называют склепами.

Итак, в 1883 г. под г. Минусинском (о. Тагарский) в таштыкском склепе А.В. Адрианов обнаружил гипсовые погребальные маски. Они лежали преимущественно не на лицевых костях черепов скелетов, а поблизости от кучек кальцинированных (сожженных) человеческих косточек – пепла человека*. Находки получили известность за пределами Сибири, т.к. пять из 40 масок были почти полностью восстановлены и представлены в 1887 г. на выставке Археологического съезда в г. Ярославле. С тех пор сложилась традиция реставрировать маски только для музейных экспозиций или выставок. Лишь ок. 100 масок полностью или почти полностью восстановлены, более 200 собрано частями и приблизительно 1 тыс. масок хранится в обломках.

* Пепел в склепах – кальцинированные мелкие осколки костей длиной преимущественно до 1 см, часто 5 – 10, а иногда до 15 см. В каждой кучке до 1 кг костей. – См.: [Грязнов, 1979, с. 93; Вадецкая, 1999, с. 88].

* Научная библиотека Томского университета. – Архив Г.Н. Потанина, корреспонденция. Ящик 227. № 1403. Д. 7.

В таштыкском могильнике в горах Оглахты на левом берегу Енисея А.В. Адрианов раскопал мумии с масками и кожано-соломенные манекены (куклы), в т.ч. одну с маской. Однако потребовалось провести новые раскопки этого [Кызласов, 1969] и многих других могильников, чтобы связать маски не только со скелетами, но и с погребальными куклами. Только в 1980-х гг. началось изучение отпечатков на оборотной стороне гипсовых масок для определения форм, на которых их делали [Вадецкая, 1999, с. 94 – 102]. Выяснилось, что маски изготавливали на кожаных набитых травой (реже шерстью) формах, напоминающих голову погребальных кукол. Но было не ясно, из какого материала лепили маски, снимали ли их с форм, доделывая вручную, или они являлись лицевой частью головы самой куклы [Вадецкая, 1998, с. 105]. К сожалению, высказывавшиеся в связи с этими исследованиями мнения, как и те, что были выражены во время дискуссий о технологии изготовления масок и их материала, опирались только на личные впечатления специалистов, а не на выводы, полученные в ходе изучения методами точных наук. Важность привлечения к изучению масок этих методов была доказана в ходе проведения серии технологических анализов более 50 масок (из 15 склепов и четырех могильников) и сравнения их результатов с визуальными наблюдениями. Прежде всего удалось уточнить процедуру изготовления масок. Кроме того, и это очень важно, поскольку все версии о семантике масок так или иначе строятся на представлениях о технологии их изготовления, получены первые результаты химических анализов, осмысление которых станет новым этапом в изучении масок, вскоре специалисты, возможно, смогут получить ответы на давно поставленные вопросы (с какой целью и на какой срок делали маски), разгадать символику и приемы орнаментации, проследить эволюцию масок и др.

В данной статье ставятся три конкретные задачи. Первая – опровергнуть ошибочное, но укоренившееся представление о том, что в Сибири с конца 1 тыс. до н.э. и до VII–VIII вв. н.э. существовал устойчивый обычай *помещать* маски на лица умерших [Маски погребальные, с. 438]. Вторая – выявить единство семантики масок для мертвых и их имитаций (по отпечаткам на оборотной стороне масок и единству ритуалов, соблюдавшихся для кукол и трупов). Третья – показать технологическую эволюцию масок кукол из грунтовых могил и склепов. Для решения поставленных задач я буду использовать личные наблюдения, а также данные химических анализов (микроскопический, качественный микрохимический и количественный), выполненных научным сотрудником Государственного Эрмитажа Л.С. Гавриленко. Таксономическая принадлежность растительных частиц определена ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой.

Маски, вылепленные на лицах трупов

Обычай лепить маски на лицах покойников появился в I – II вв. и получил наибольшее распространение в III в. Об этом свидетельствует динамика численности масок, прослеженная по 20 таштыкским грунтовым могильникам. В могильниках I – II вв. маски встречаются на каждом третьем и даже втором, а в могилах III – начала IV в. – почти на каждом скелете. Могильники датируются по привозным стеклянным бусинам и полихромным китайским тканям [Вадецкая, 1999, с. 67 – 71]. К сожалению, маски очень плохой сохранности, т.к. вылеплены из непрочного гипса, как правило, очень тонкие (их толщина по краям не более 2 мм, в области щек, губ – до 4 – 5 мм). К моменту раскопок они покрылись мелкими трещинками, поэтому снять их с лицевых костей по кусочкам и склеить удастся редко. Кроме того, людей хоронили с приподнятыми головами, подкладывая подушку, камень, обрубок дерева, поэтому маски иногда сползали с лица или осыпались. По указанным причинам не только целых масок, но и их обломков собрано немного. Лучше всего сохранились маски в могильнике в горах Оглахты. Согласно данным А.В. Адрианова, некоторые маски закрывали лицевую часть головы, а другие еще и уши, подбородок и даже шею; одни сохраняли свой естественный (белый) цвет, другие были сплошь окрашены красной краской, третьи расписаны фигурами [Адрианов, 1903а, с. 2]. Однако сведения А.В. Адрианова о внешнем разнообразии масок пока не подтверждаются, поскольку у всех известных (склеенных) масок обломаны либо края, либо уши. Лишь две раскопанные Л.Р. Кызласовым в 1969 г. в Оглахтинском могильнике маски сохранились целыми, поскольку их не снимали с черепов. Эти маски закрывают три четверти объема головы, включая уши и подбородок до шеи (рис. 1, 2). Уникальные по сохранности маски неоднократно публиковались [Кызласов, 1969, с. 96; Kyslassow, 1971, рис. 4, 6; Коваленко, 1972, с. 78; Вадецкая, 1986, с. 35; 1992, табл. 100, 1, 2; 1999, рис. 6. 1, 2; и т.д.]. Они являются прототипами (по внешнему виду, технологии изготовления и характеру росписи) более прочных и толстых масок, которые позже лепили на головах погребальных кукол. Важно отметить, что на черепе мужчины сохранилась коса, уложенная от середины лба и вдоль макушки; для нее сделан специальный вырез в верхнем крае маски. Эта особенность позволяет предположить, что маски лепили после того, как покойник был обряжен.

Две найденные в таштыкских могилах маски вылеплены из каолиновой глины с небольшим включением гипса и большим содержанием водно-растворимых солей [Липский, 1956, с. 32]. Остальные изве-

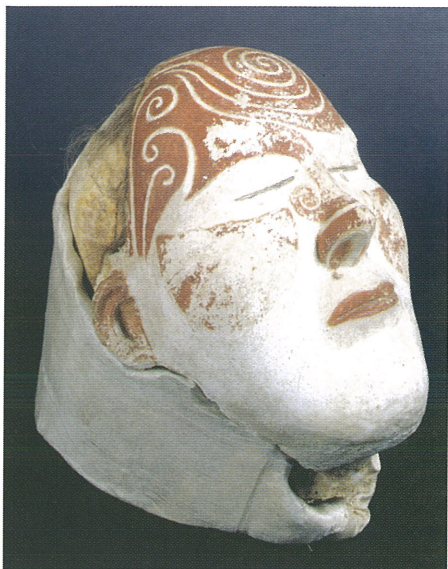

Рис. 1. Маска женщины, Оглахты (ГЭ, кол. 2864, № 1) (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969 г.). Белая, с красными лбом, носом, ноздрями, ушами, щеками и черными прорезями глаз; белый узор на лбу выскоблен по грунту.

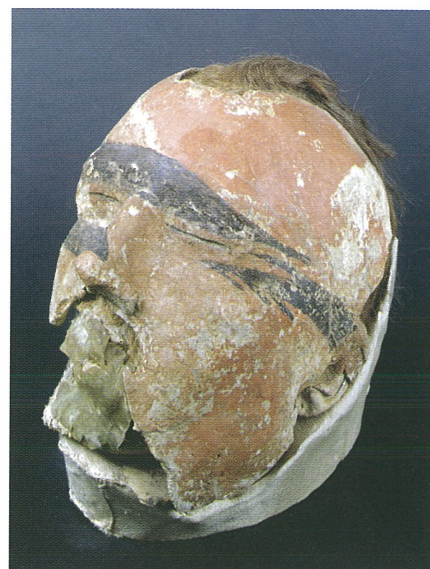

Рис. 2. Маска мужчины, Оглахты (ГЭ, кол. 2864, № 2) (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969 г.). Ярко-красная, с черными прорезями глаз и полосами на лбу и с двух сторон носа; под маской шелковая ткань.

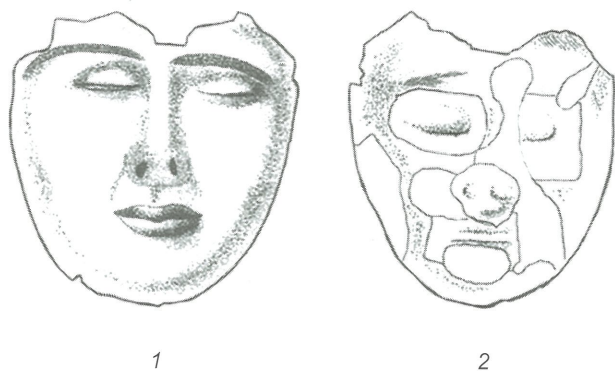

Рис. 3. Маска подростка, Оглахты (ГИМ, кол. 43931, № 2) (раскопки А.В. Адрианова, 1903 г.).

1 – внешняя поверхность, 2 – внутренняя, с отпечатками кусочков ткани вокруг глаз и рта и затеками гипса в прорезях.

стные мне маски по внешнему виду гипсовые; это подтверждают и результаты шести химических анализов находок из пяти могильников, расположенных в разных местах Минусинской котловины: на левом (Барсучиха, Оглахты, Терский) и правом (Комаркова) берегах Енисея, а также в бассейне Белого и Черного Июса (Черное Озеро). Основным компонентом их теста является гипс, в небольших количествах представлены карбонат кальция, песок, глинистые и железные соединения, т.е. использовался природный гипс, включающий естественные примеси. Однако в тесто специально подмешивали либо шерсть (Черное Озеро), либо измельченный растительный материал, оболочки семян (Терский, Оглахты).

Согласно наблюдениям А.В. Адрианова, маски не снимали с трупа, а лепили на лице как скульптуру. Для этого на лицо наносили несколько слоев гипса, каждый толщиной не более 1 мм [Вадецкая, 1999, с. 18]. Это наблюдение археолога подтверждается данными микроскопического анализа структуры масок. Маски состоят из трех-четырех слоев – нижнего (основной), средних (выравнивающие) и верхнего (самый тонкий, отделочный, или косметический). Структура хорошо просматривается, если каждый новый слой был наложен на чуть подсохший, но еще влажный предыдущий. Если же слои наносили на неподсохшую основу, то виден основной слой массы толщиной от 2 – 3 до 6 – 8 мм (тоньше по краям маски и на лбу, толще на щеках, губах, носу). Его верхнюю поверхность после высыхания заглаживали более чистым гипсом (из него вымывали песок), а затем покрывали отделочным слоем толщиной менее 1 мм и раскрашивали. Мужские маски и детские сплошь окрашивали красной краской, поверх которой иногда рисовали черным поперечные полосы (см. рис. 2, 3). Прорези на месте глаз и рта на мужской маске из Оглахтинского могильника были сделаны по сырому гипсу, а красная и черная краски нанесены по высохшему гипсу, поэтому трещины, образовавшиеся до раскрашивания, оказались залитыми краской [Коваленко, 1972, с. 78 – 79]. На белых женских масках красным выделены лоб, нос, губы, щеки, уши. На красном лбу выскоблены (до отделочного слоя) спирали (см. рис. 1). Закрытые глаза, чуть прорезанные или нарисованные, всегда окрашивали черным.

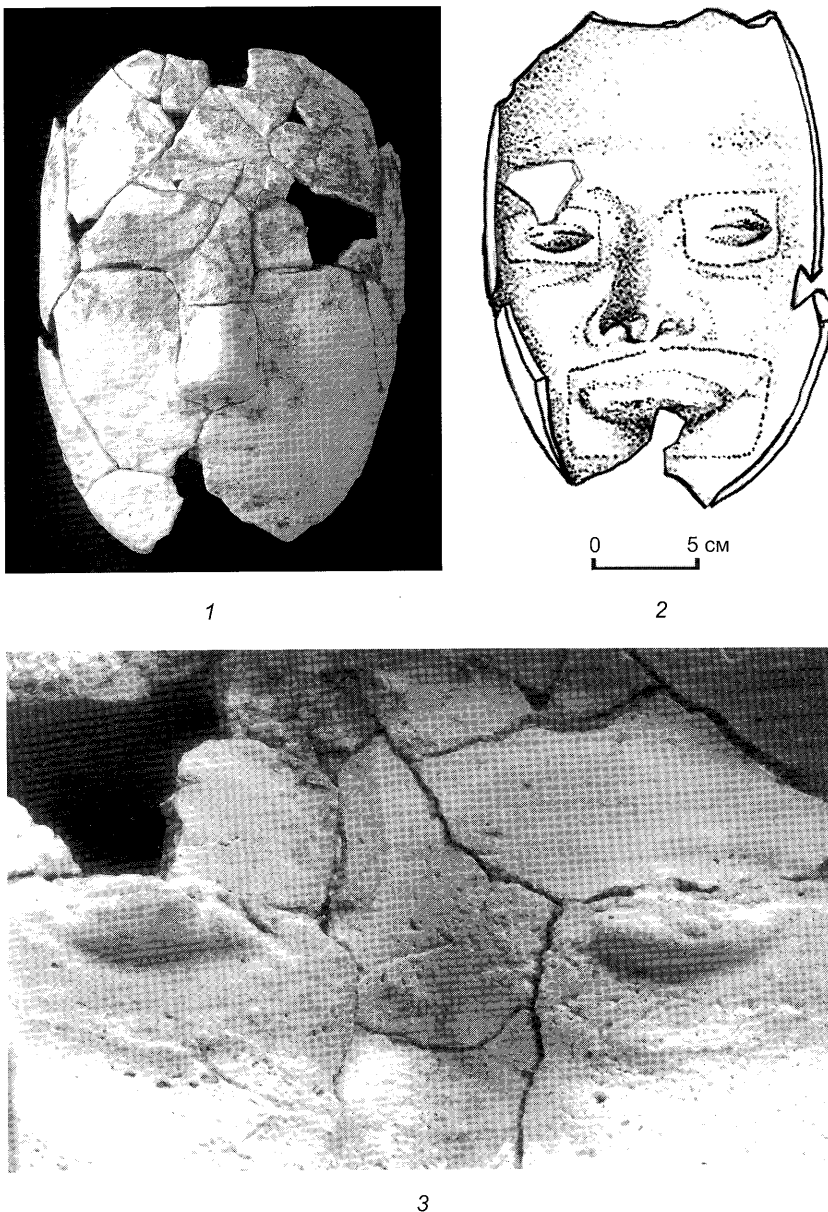

Рис. 4. Маска женщины, Терский могильник (ГЭ, б.н.)

(раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.). Белая, со следами росписи красной охрой.
1 – внешняя поверхность; 2 – внутренняя, с отпечатками кусочков ткани вокруг глаз и рта и затеками гипса в прорезях; 3 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками кожи животного и ткани вокруг затеков гипса.

Чтобы получился красный цвет, использовали охру и киноварь, черный – древесный уголь. Отдельные маски, на которых от росписи остались лишь следы, кажутся белыми (рис. 4, 1).

А.В. Адрианов отмечал, что “под некоторыми масками обнаружена любопытная подробность – на обоих глазах, ротовом и носовом отверстиях были наложены четырехугольные кусочки тонкой шелковой материи светло-зеленого цвета, причем на кусочках для глаз и рта были сделаны прорехи, соответствующие

щие щелям закрытых глаз и рта” [1903а]. Имеются образцы с остатками шелка на внутренней поверхности, свидетельствующими о том, что ткань было закрыто все лицо. Шелковое покрывало сохранилось на оборотной стороне огластинской маски мужчины (см. рис. 2). Однако отпечатки складок ткани на внутренней поверхности А.В. Адрианов принял за отпечатки морщин и посчитал, что маски лепили непосредственно на лице умершего. Это ошибочное мнение прочно вошло в литературу и, хотя на внутренней поверхности масок часто имеются отпечатки ткани, а также гипс, частично затекший при лепке маски в углубления глаз, рта и носа трупа, на них не обращалось внимания. В этой связи следует отметить единственную маску, которую А.В. Адрианову удалось снять крупными кусками с черепа ребенка 10 – 12 лет (см. рис. 3). Она ярко-красная, с черными нарисованными бровями. На ее внутренней поверхности в области глаз имеются затеки гипса конусовидной формы (размеры $3 \times 2 \times 1$ см), а вокруг них – отпечатки прямоугольных кусочков ткани – “наглазников” (размеры 5×4 см). На месте прорези губ видна гипсовая выпуклость, а на всей поверхности – следы волнистых вертикальных линий от лицевого покрывала. Отпечатки кусочков ткани вокруг глаз прослежены мною на обломках второй детской маски из того же могильника (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969), хранящейся в Эрмитаже (ГЭ, кол. 2864/3), а также на масках из других могильников. Для большей достоверности некоторые отпечатки (видимые глазом) проверены микроскопическим анализом. Так, на оборотной стороне женской маски из могильника Терский на левом берегу Енисея (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.) видны отпечатки “наглазников” (размеры $3,3 \times 4,2$ см) и “наротника” (размеры $8,5 \times 4,4$ см), а также затеки гипса в их прорезях (см. рис. 4, 2). Вероятно, на лицо гипса в их прорезях была положена тонкая кожа (лоскут подрезан под носом), отпечатки которой прослеживают

кажущиеся щелям закрытых глаз и рта” [1903а]. Имеются образцы с остатками шелка на внутренней поверхности, свидетельствующими о том, что ткань было закрыто все лицо. Шелковое покрывало сохранилось на оборотной стороне огластинской маски мужчины (см. рис. 2). Однако отпечатки складок ткани на внутренней поверхности А.В. Адрианов принял за отпечатки морщин и посчитал, что маски лепили непосредственно на лице умершего. Это ошибочное мнение прочно вошло в литературу и, хотя на внутренней поверхности масок часто имеются отпечатки ткани, а также гипс, частично затекший при лепке маски в углубления глаз, рта и носа трупа, на них не обращалось внимания. В этой связи следует отметить единственную маску, которую А.В. Адрианову удалось снять крупными кусками с черепа ребенка 10 – 12 лет (см. рис. 3). Она ярко-красная, с черными нарисованными бровями. На ее внутренней поверхности в области глаз имеются затеки гипса конусовидной формы (размеры $3 \times 2 \times 1$ см), а вокруг них – отпечатки прямоугольных кусочков ткани – “наглазников” (размеры 5×4 см). На месте прорези губ видна гипсовая выпуклость, а на всей поверхности – следы волнистых вертикальных линий от лицевого покрывала. Отпечатки кусочков ткани вокруг глаз прослежены мною на обломках второй детской маски из того же могильника (раскопки Л.Р. Кызласова, 1969), хранящейся в Эрмитаже (ГЭ, кол. 2864/3), а также на масках из других могильников. Для большей достоверности некоторые отпечатки (видимые глазом) проверены микроскопическим анализом. Так, на оборотной стороне женской маски из могильника Терский на левом берегу Енисея (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.) видны отпечатки “наглазников” (размеры $3,3 \times 4,2$ см) и “наротника” (размеры $8,5 \times 4,4$ см), а также затеки гипса в их прорезях (см. рис. 4, 2). Вероятно, на лицо гипса в их прорезях была положена тонкая кожа (лоскут подрезан под носом), отпечатки которой прослеживают

ся в разных местах. Химическим анализом подтверждено наличие “наглазников” (на их местах обнаружены отпечатки переплетения нитей тканей), также установлено, что на кожаное покрывало была наложена и тщательно разглажена гипсовая масса (толщиной 2 – 3 мм). Поверх нанесен отделочный слой толщиной менее 1 мм, он расписан красной охрой (см. рис. 4). Примеров такой технологии много, и они свидетельствуют о широком распространении правила, согласно которому при лепке маски нельзя было прикасаться к лицу умершего руками, а глаза, рот и все лицо следовало предварительно закрыть тканью или кожей. Возникает вопрос, почему при лепке на местах глаз и рта образовывались затеки, если маски передавали лицо мертвого человека с плотно сжатыми губами и закрытыми глазами и не имели сквозных прорезей. Очевидно, прорезы делали не только в “наглазниках” и “наротнике”, но и в покрывале. Их наличием могут быть объяснены расположенные против глаз на некоторых масках (могильники Новая Черная IV и Барсучиха II) гипсовые конические или овальные возвышения (диаметр 3 – 3,5 см, толщина 1 – 1,5 см), хотя отпечатков ткани вокруг них не видно (ГЭ, кол. № 2573, 2632). Не исключено также, что глаза и рот трупа замазывали гипсом и, не дожидаясь его высыхания, лепили маску, внутренняя поверхность которой слипалась с гипсовыми накладками. Признаки такого способа изоляции глаз и рта покойника прослежены на находках из склепов V – VI вв. Так, в склепе на о. Тагарском найдена маска ребенка с гипсовыми накладками против глаз и рта [Горощенко, 1900, табл. внизу], а в склепе Дальняя Чейя – скелет, в глазницах которого имеются гипсовые кружки, ровные снаружи и выпуклые внутри [Вадецкая, 1981, с. 60]. Примером соблюдения правила, запрещавшего прикасаться руками к лицу умершего и предписывавшего лепить маску через ткань, являются маски с двух скелетов, которые находились вместе с остатками сотен кремированных трупов в склепах Уйбатского чаатаса [Вадецкая, 1999, № 21, склепы 9, 10]. На оборотной стороне обеих масок видны отпечатки ткани лицевого покрывала. На одной маске они сохранились против глаза и щек, а на другой – в области губ и носа (ГИМ, кол. № 79956, № 24, 52).

Маски лепили поверх лицевого покрывала, поэтому черты лица они передают, как правило, схематично, а иногда и вовсе произвольно. Это было доказано антропологами при восстановлении облика по двум черепакам: в обоих случаях лица не соответствовали своим маскам. Первая реконструкция выполнена М.М. Герасимовым по черепу мужчины (с которого упала глиняная маска) из могилы, раскопанной в г. Абакане. По реконструированному лицу была изготовлена маска, которая сильно отличалась от древней, имевшей на оборотной стороне отпечатки фактуры

кожи и шнурков. Нет сомнения в том, что лицо умершего сначала было покрыто лоскутом кожи, перевязано, а затем на нем вылеплена маска [Липский, 1956, с. 14, 32 – 35]. Графическая реконструкция лица по женскому черепу из могильника у д. Абакан-Перевоз (раскопки А.И. Готлиба, 1993 г.) была выполнена Г.В. Лебединской. В воссозданном ею облике женщины отразился европеоидный тип, а в маске – монголоидный. На форму маски, по мнению антропологов, могла повлиять отечность мягких тканей [Медникова, 2001, с. 236, рис. 9, 7, 8]. С моей точки зрения, причина – в покрывале, поверх которого лепили маску, его вертикальные складки отпечатались на внутренней поверхности против скул, левого уха, ниже правой щеки.

Маски погребальных кукол

Первые человекоподобные чучела (куклы) были найдены в 1903 г. А.В. Адриановым в Оглахтинском могильнике. Две почти целые лежали вместе с двумя мумиями, параллельно им и головой в одну сторону с ними. Они представлены мешками, обозначающими руки, ноги (длина 36 – 50 см, ширина 13 – 15 см), а также туловище (размеры 50 × 20 см) и голову. Мешки были сшиты из лоскутков овчины мехом внутрь и заполнены тугими комочками сухой травы, напоминающей осоку. Все части куклы скреплены жилами либо ремешками [Вадецкая, 1986, с. 36 – 37; 1999, с. 22]. К моменту раскопок могилы куклы распались на отдельные части. Лицо одной из них было закрыто красным шелком, на котором черной краской нарисованы черные брови, а может быть, и другие детали [Адрианов, 1903а]. Голову другой куклы покрывала гипсовая маска. Внутри туловища находился пепел человека, но большая его часть высыпалась, сохранилось лишь немного “пережженных костей”, которым А.В. Адрианов не придал значения [Вадецкая, 1999, с. 21]. От других кукол остались небольшие фрагменты и скрученная трава [Адрианов, 1903а]. Еще две куклы были найдены в 1969 г. в том же могильнике Л.Р. Кызласовым. Возле каждой куклы параллельно лежала мумия (гипсовые маски на мумиях уже описывались). Лица кукол обшиты тканью (одна шелковой), а черты лица нарисованы [Кызласов, 1969, с. 96]. Когда куклы поступили в Эрмитаж, в их туловищах рентгеном были выявлены зашитые мешочки с пеплом человека в виде остатков сожженных косточек. Таким образом, было доказано, что найденные в грунтовых могильниках куклы являлись вместилищем пепла конкретного человека, но они, как правило, истлевали, от них оставались лишь 1 – 2 кг собранных в мешочек косточек длиной до 4 – 5 и реже 8 – 10 см [Вадецкая, 1999, с. 21]. Судя по неповрежденным (неразграбленным) таштыкским срубам, население строго придерживалось системы расположения

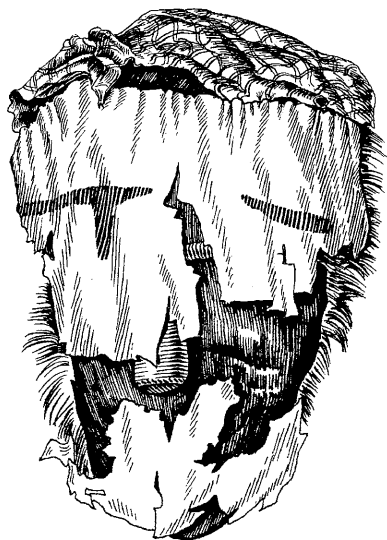
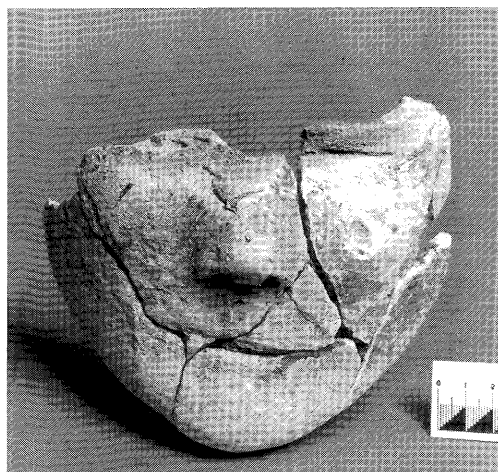

Рис. 5. Кожаная голова куклы, Оглахты (ГИМ, кол. 43931, № 4) (раскопки А.В. Адрианова, 1903 г.). Из комков травы, обшитых кожей. Лицо покрыто куском тонкого шелка с нарисованными бровями. Затылок закрыт плотным шелком.

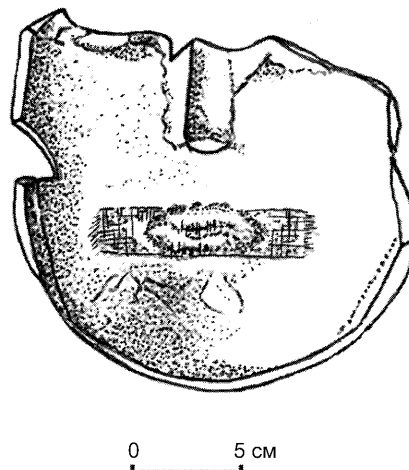
в могилах погребенных (головой на запад, параллельно друг другу) и вещей (в восточной части строения). Учитывая это, кальцинированные кости в погребениях можно считать признаком того, что в них находились куклы. Кости позволяют определить места расположения кукол [Там же, рис. 9, 11, 12, 121 – 128], а также связать с куклами маски, находящиеся на месте предполагаемой головы. Чтобы сделать маску по “кожано-травяной” болванке (голове куклы), требовались навыки, знания технологии, отличавшейся от той, которая использовалась при лепке на лице трупа. Технологические различия четко прослеживаются на масках трупов и поздних кукол (V – VI вв.). Однако наиболее древние маски кукол (II – IV вв.) по технологии мало отличались от масок трупов. Они были вылеплены из одного теста, поэтому рассыпались на мелкие, тонкие и рыхлые фрагменты. Согласно результатам анализа двух масок из памятника Красная Грива (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1988 г.), в тесто, состоявшее из гипса (с естественными глинистыми соединениями и 1,5 – 3%-м содержанием песка), было добавлено незначительное количество измельченной древесины тополя. На большую часть лица нанесен слой массы толщиной 2,5 мм и лишь на отдельные места – до 5 – 7 мм. После этого вся поверхность была покрыта отделочным слоем толщиной менее 1 мм и раскрашена охрой, киноварью, а также их смесью. Судя по отпечаткам складок на внутренней поверхности одной из масок (выявлены микроскопическим анализом), лицо куклы было сшито из ткани или тонкой кожи.

Нос был пришит (есть отпечатки швов), а губы закрыты кусочком ткани (имеются отпечатки переплетения нитей ткани). Очевидно, лицом эта кукла была похожа на оглахтинскую травяную, обшитую кожей скульптуру с четко выраженными впадинами глаз и рта, а также скулами (рис. 5). К кожаному лицу пришиты кожаные брови и нос с поперечным швом на кончике [Там же, рис. 7, 1 – 3]. Отпечатки такого носа часто встречаются на внутренней стороне масок не только из грунтовых могил, но и из склепов, что свидетельствует о существовании определенного стандарта в изготовлении лиц кукол. В местах глаз кожа на голове этой куклы была порвана (до реставрации), но вероятно, в них имелись прорезы, которые отмечены на других фрагментах [Там же, с. 22]. Голова примечательна тем, что спереди была покрыта тонким шелком (как лица мумий под масками) красного цвета, и благодаря этому вызывает ассоциации с выкрашенными в красный цвет мужскими масками. Судя по отпечаткам на масках несохранившихся кукол из могильников Новая Черная IV и Мысок (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1967, 1968 гг.), крупный нос, который обычно пришивали к лицу куклы, часто заменяли аккуратной палочкой, как-то вставлявшейся в форму. Может быть, нос в виде палочки был у второй оглахтинской куклы, закрытой гипсовой маской, которая с внутренней стороны напоминала блюдце с прорезью для носа, прикрепленного на внешней стороне [Там же, с. 24]. В любом случае от формы носа куклы зависел тип носа на вылепленной по ней маске. Если нос был только обозначен (палочкой или лоскутком кожи), его лепили отдельно и приставляли к маске, на внутренней поверхности которой не было носовой впадины; если же пришивали к форме крупный нос, его облепляли гипсом, и маска на оборотной стороне на месте носа имела выраженную впадину. Такое разделение носов на масках особенно четко прослеживается по находкам в склепах V – VI вв.

Кукол, как и трупы, обряжали в одежду, пришивали к их головам косичку покойника, надевали на них шапку и обувь. В отношении к ним применялись те же похоронные правила, что и к трупам: перед тем как лепить на лице маску, кукле закрывали или замазывали глаза и рот, сверху все лицо закрывали куском материи или кожи. На фрагментах масок наиболее древних кукол (I – IV вв.) ввиду их плохой сохранности трудно определить отпечатки каких-либо накладок. Но они иногда видны на оборотной стороне более поздних (V – VI вв.) и прочных масок, например, из склепов под г. Тепсей [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 224] и из склепа 4 могильника Терский (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.). Терская маска обломана на уровне глаз (рис. 6). По составу теста (гипс со следами кварцевого песка и глинистых

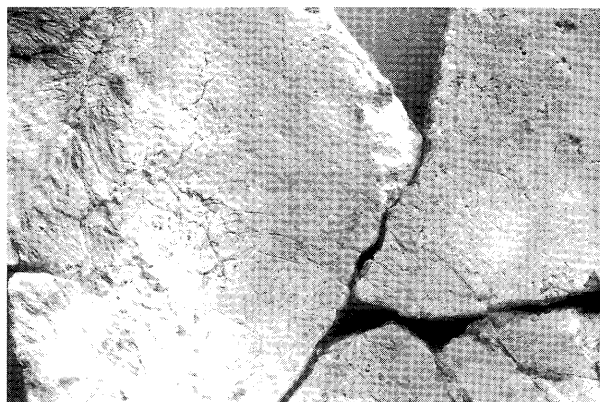
1

2

3

4

Рис. 6. Маска с куклы, Терский могильник, склеп 4 (ГЭ, б.н.) (раскопки Э.Б. Вадецкой, 1989 г.).

1 – внешний вид; 2 – внутренняя поверхность с отпечатками носа и рта, закрытого кусочком шелка; 3 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками овальной тканевой накладки в области рта и полоски шелка поверх нее; 4 – фрагмент внутренней поверхности с отпечатками кожи и шва с выбившимся мехом.

соединений, в который добавлено небольшое количество измельченного растительного материала) она практически не отличается от масок из находившихся рядом со склепом грунтовых могил. Однако стенки терской находки в 3 раза толще (6 – 9 мм, в выпуклых местах 11 – 12 мм), чем у ранних масок. Микроскопическим анализом на оборотной стороне маски (ниже носа и на месте подбородка) выявлены рельефные отпечатки складок грубой основы (голова куклы). На эту основу нанесен первый слой массы толщиной 2 – 3 мм, второй – толщиной 3 – 4 или 6 – 7 мм (в зависимости от вылепливавшейся формы), а на выпуклые места – третий слой толщиной от 2 до 5 – 6 мм. Затем поверхность выравнивали и покрыли отделочным слоем в 1 мм (он выглядит более светлым и рыхлым по сравнению с основным). Подбородок утолщен. По отпечаткам на внутренней поверхности можно определить, что голову куклы

сшили из хорошо выделанной кожи, мехом, который частично виден через аккуратный шов, внутрь (см. рис. 6, 4). Нос у куклы был обозначен ровной палочкой, от которой остался четкий и глубокий след, а рот – грубой матерчатой овальной накладкой (размеры 4,4 × 1,6 см), закрытой сверху полоской (размеры 7,6 × 1,6 см) ткани мелкого прямого плетения типа шелка (см. рис. 6, 2). Продольные края шелкового “наротника” подогнуты внутрь, верхний (из-под которого выбивался мех) обметан через край ниткой. Боковые края не подогнуты, поэтому концы шелка разлохмачены (см. рис. 6, 3).

Предметом изучения всегда были главным образом поздние маски преимущественно из наиболее крупных склепов. В таких склепах находят, как правило, несколько десятков масок (по числу захороненных остатков кремации – кучек пепла человека). По поясной гарнитуре (пряжкам) склепы дати-

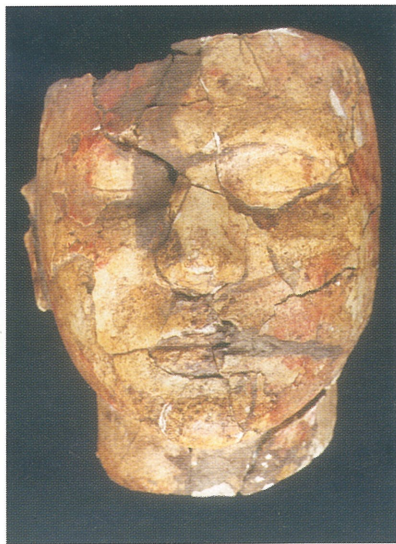

Рис. 7. Бюст без подставки, Белый Яр III (археологическая лаборатория Хакас. ун-та, № 47) (раскопки А.И. Поселянина, 1991 г.). Желтовато-коричневый. Окрашен киноварью, смешанной с охрой. На оборотной стороне на месте глаз имеются гипсовые выступы и отпечатки кожи.

Рис. 8. Маска куклы, о. Тагарский (ГИМ, кол. 24959, № 1) (раскопки А.В. Адрианова, 1883 г.). Белая, окрашена красной краской; на оборотной стороне глаз и рта — гипсовые выпуклости.

руют V – VI вв. [Вадецкая, 1999, с. 121 – 125]. Маски представлены обломками; чаще всего обломки нескольких масок смешаны. Этому имеется объяснение. Дело в том, что для мешочка с кальцинированными косточками человека часто шили не целую куклу, а лишь голову, на которой лепили маску. Голове (мягкой болванке) разными способами придавали вертикальное положение (прикрепляли на подставку или вставляли в нее). Маску (обрисовку головы) делали с плоским основанием или с широкой устойчивой шеей. Такие маски-бюсты, служившие урнами, помещали не только на дно камеры, но и на венцы сруб-клети. Во время ритуального сожжения камеры рухнувшая кровля придавливала как маски, находившиеся на дне, так и обломки масок, упавших сверху. При этом пепел сожженного покойника высыпался из бюстов. Реставрируя бюсты, в них иногда находят отдельные косточки и остатки мешочков для них. Однако пока только в трех масках-бюстах из склепа Белый Яр III (раскопки А.И. Поселянина, 1991 г.) сохранился пепел в виде обломков сожженных косточек длиной до 2 – 4 см общей массой до 0,5 кг (одно из скоплений пепла обмотано травой) [Там же, с. 103]. Раздавленные бюсты с пеплом пока целиком не склеены, но ни по составу материала, ни по внешнему виду они не отличаются от других бюстов из того же склепа, в т.ч. реставрированных. Их тесто на 90% состоит из гипса с природными примесями, в которые специально добавлено небольшое количество растительного материала (измельченные древесина тополя или злаки) и шерсти. На оборотной стороне бюстов имеются

отпечатки кожаной основы, а против глаз иногда гипсовые выпуклости. Масса была нанесена в один слой толщиной 4 – 8 мм, затем поверхность заглажена отделочным слоем толщиной в 1 мм и окрашена киноварью и охрой (рис. 7).

Первая версия о технологии изготовления масок и бюстов, найденных в склепах, принадлежит антропологу К.И. Горощенко, который осмотрел маски из склепа на о. Тагарском еще до обнаружения кожанотравяной куклы с маской в Оглахтинском могильнике, а потому не мог предположить связи между некоторыми масками и куклами. Иначе его гипотезы о технологии их изготовления, вероятно, были бы другими. К.И. Горощенко, заметив несоответствие оборотной стороны масок анатомии лица человека, пришел к выводу, что маски не могли лепить на лице, просто обкладывая его гипсом. Он не нашел этому объяснения и, учитывая “тщательность изготовления масок”, предположил, что они были отлиты в форме, снятой с лица трупа (рис. 8). Такой способ изготовления масок, по мнению антрополога, “делал маски ценным подспорьем для антропологического исследования древнего народа” [Горощенко, 1900, с. 8]. Но предположению об отливке маски по слепку с лица противоречило наличие на внутренней поверхности непонятных возвышений из гипса. На месте глаз они были в форме конуса, а под носом — прямоугольника. С точки зрения К.И. Горощенко, эти возвышения были “наложены особо” после отливки маски. Между тем возвышения, имеющие отпечатки травы (рис. 9), вместе с отпечатками кожи и швов

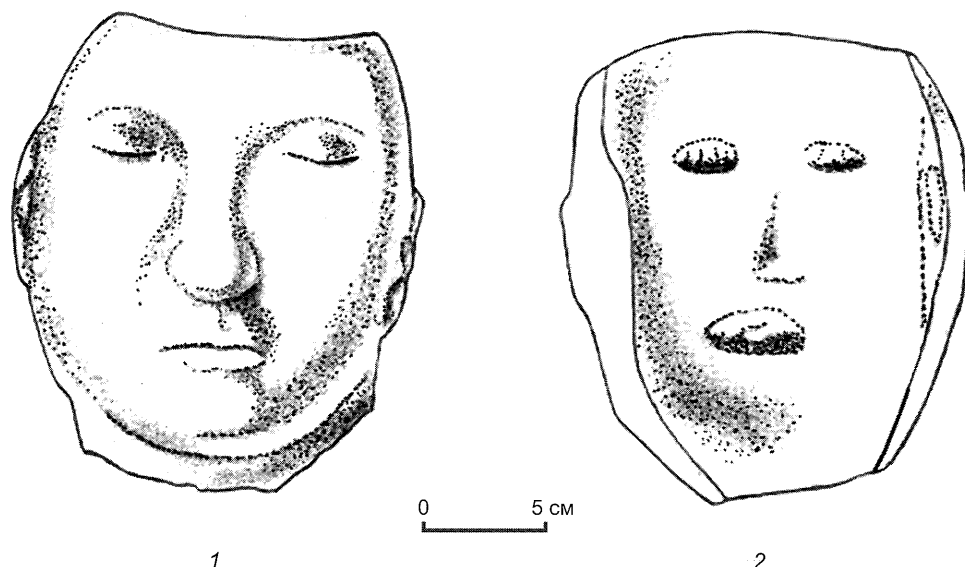

Рис. 9. Бюст, о. Тагарский (ГИМ, кол. 24959, № 36) (раскопки А.В. Адрианова, 1883 г.). Окрашен красной краской, шея обломана.

1 – внешний вид; 2 – внутренняя поверхность с гипсовыми выпуклостями против глаз и рта, на которых видны отпечатки травы, и оттисками шва вдоль уха и палочки-носа.

позволяют представить форму, на которой лепили маску. Такие маски, очевидно, имели сходство с оглахтинской куклой, у которой имелись прорезы во впадинах глаз и рта (см. рис. 5). Сверху прорезы были обмазаны гипсом. Находившаяся внутри головы трава через прорезы глаз и рта отпечаталась на кусочках гипса, которые образовали первый слой. Следы предварительной обмазки глаз и рта отмечены на нескольких куклах (см. рис. 7), а также на маске с черепа ребенка из склепа на о. Тагарском [Горощенко, 1900, табл. внизу].

Обе версии К.И. Горощенко (о способе изготовления масок и их возможной портретности) оказали большое влияние на взгляды С.В. Киселева, которые он изложил в специальной статье о масках. Источниками для этой работы послужили обломки ок. 120 масок из пяти таштыкских склепов, раскопанных археологом в 1928 – 1932 гг. на правом берегу Енисея. Однако личные наблюдения С.В. Киселева противоречили мнению о том, что маски отливали в формах. С.В. Киселев первым обратил внимание на отпечатки ткани, швов и складок на оборотной стороне масок. Им отмечено преобладание масок, которые не могли изготавливаться по слепку, снятому с мертвого человека, т.к. они были слишком крупными или имели условные черты лица. Этим наблюдениям С.В. Киселев пытался найти объяснения, исходя из технологической версии К.И. Горощенко. Так, отпечатки одних швов на внутренней поверхности масок (посередине подбородка или лба) он считал признаками отливки масок по частям в формах, а других – следами сши-

тых из материи и кожи “шаблонов”, которыми якобы придавливалась залитая в формы масса. Особо крупные или схематичные маски были, по мнению археолога, слепками не с трупа, а с вылепленного изображения человека [Киселев, 1935, с. 4].

Отпечатки животной кожи и швов манекена на оборотной стороне этих и других масок отмечали М.М. Герасимов, Л.Р. Кызласов, М.П. Грязнов. Для М.П. Грязнова отпечатки кожи, швов и складок, а в одном случае ткани на оборотной поверхности масок из склепов под г. Тепсей (рис. 10, 11) послужили доказательством того, что маски изготавливали на куклах типа оглахтинских [1979, с. 94]. Исследователь исходил из того, что мешочки с пеплом человека находились внутри кукол, в таких мешочках в тепсейских склепах хранились кальцинированные косточки. Микроскопические анализы также подтвердили, что форма для масок была сшита из кожи. Что же касается отпечатков ткани, то они могли быть результатом соприкосновения гипса с обшитым тканью лицом куклы или его покрывалом. Труднее было установить, снимались ли маски со своих форм, т.к. для этого нужно было изучить технологию тепсейских масок.

По внешнему виду большинство масок выглядят как гипсовые, и исследователи со времен А.В. Адрианова считали их таковыми. Но С.В. Киселев усомнился в этом, поскольку маски, оказавшись в горевшем склепе, по его мнению, не разрушались, как гипс, а напротив, становились более твердыми и только темнели. Археолог допускал, что в тесто вхо-

Рис. 10. Фрагмент внутренней поверхности маски, Тепсей III, склеп 1 (ГЭ, кол. 2616, № 87) (раскопки М.П. Грязнова, 1968 г.). Отпечатки кожи со швом; удлиненные углубления заполнены растительным материалом – древесиной и сердцевинной березы.

Рис. 11. Фрагмент внутренней поверхности маски, Тепсей III, склеп 3 (ГЭ, кол. 2616, № 255) (раскопки М.П. Грязнова, 1969 г.). Отпечатки шерстяной ткани.

Рис. 12. Фрагмент внутренней поверхности нижнего слоя маски, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. № 217) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Отдельные порции нанесенного гипсового раствора.

дили гипс, известь, а также незначительные примеси кварцевого песка и других неизвестных пород. Исходный материал, который предполагалось подвергнуть анализу, исследователь назвал терракотой неизвестного состава, поскольку, по его мнению, смесь должны были обжигать перед изготовлением из нее масок [Киселев, 1935, с. 3 – 4]. М.П. Грязнов на примере тепсейских масок утверждал, что их лепили из материала типа жидкой глины, а не отливали из гипса [1979, с. 94].

Для проверки обеих версий в лабораторию Всесоюзного научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов Мирового океана я передала для исследования 14 образцов масок из четырех склепов, преимущественно из раскопок С.В. Киселева (Сыда; Быстрая; Усть-Тесь; Уйбат, склеп 6). В ходе спектрального, термического, рентгено-структурного, электроскопического и петрографического анализов было установлено, что при изготовлении масок использовался селенит (разновидность гипса) с 17 естественными природными примесями. Подставка только одной маски (из склепа у д. Сыда) оказалась глиняной; известны подставки из разных материалов, даже из керамики. Затем были исследованы 30 фрагментов 12 масок из четырех склепов под г. Тепсей [Вадецкая, Гавриленко, 2002], а также 70 фрагментов масок, хранящихся в разных музеях. Новому изучению подверглось более 100 фрагментов 46 масок из 15 склепов, расположенных на правом (семь склепов), левом (два склепа) берегах Енисея и на р. Абакане с притоками (шесть склепов). Анализируются основные составляющие теста, древесная арматура, структура масок (основные и отделочные слои), краски, отпечатки форм и т.д. В ходе изучения были использованы микроскопический и микрохимический методы, а также спектральный анализ.

Установлено, что в состав теста входят гипс (80 – 95%) и примеси (5 – 20%), включающие глину,

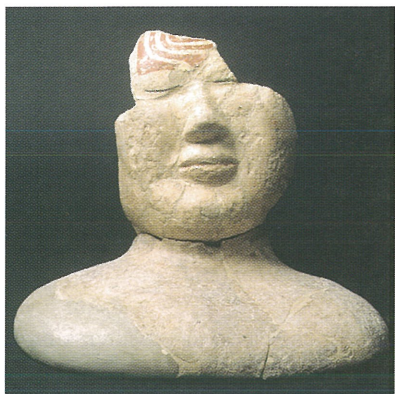

Рис. 13. Бюст, Сарагаш (ГЭ, кол. 4134, № 11) (раскопки С.А. Теплоухова, 1923 г.). Красной краской обозначены губы, ноздри, нарисован узор на лбу, голубой подчеркнуты прорези глаз. Шея вставлена в подставку.

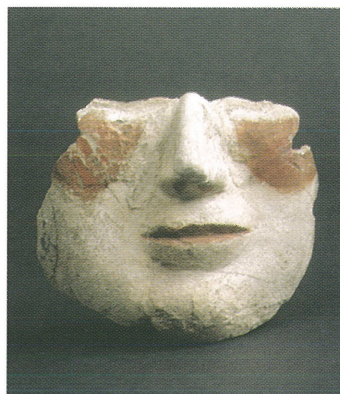

Рис. 14. Маска куклы, Сарагаш (ГЭ, кол. 4134, № 13) (раскопки С.А. Теплоухова, 1923 г.). Красной краской окрашены щеки, губы, ноздри, голубой – прорези глаз и узор на левой щеке. Темно-красная краска нанесена при современной реставрации поверх подлинной более светлой красной краски.

Рис. 15. Фрагмент маски со следами древней реставрации, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. 2616, № 217) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Отделочный слой, который был окрашен киноварью, смешанной с небольшим количеством красной охры, разрушен и восстановлен новым подготовительным слоем и грунтом. На нем заново намечены белые полосы, а остальное пространство закрашено такой же краской, которая использовалась ранее.

Рис. 16. Фрагмент лицевой поверхности маски, Тепсей IV, склеп 4 (ГЭ, кол. 2630, № 36) (раскопки М.П. Грязнова, 1968 г.). Красочный слой: белая полоса прочерчена острым предметом по не полностью высохшей поверхности отделочного слоя. Красную краску наносили дважды – первоначально красной охрой, а при древней реставрации – киноварью (верхний слой).

обогащенную соединениями окислов железа, кварцевый песок и карбонаты. Примеси в разных районах различаются по составу и количеству. Например, в масках с правого берега Енисея отсутствует или встречается единично карбонат кальция, который в масках из-под г. Абакана (Ташеба) составляет до 15 – 20%; кроме того, в них меньше, чем в находках из других мест, гипса (60 – 80%). Отделочные слои масок всегда чище других, иногда они почти из чистого гипса. При замешивании гипса с водой в тесто часто добавляли измельченный растительный материал (древесина тополя, желтой акации, березы, ивы), реже семена и шерсть. В целом процесс лепки маски был везде одинаковый. На твердую основу (от которой сохраняются отпечатки

Рис. 17. Фрагмент маски со следами реставрации, Тепсей III, склеп 2 (ГЭ, кол. 2616, № 199) (раскопки М.П. Грязнова, 1970 г.). Маска состояла из двух нижних слоев, одного отделочного и красочного. Пять верхних слоев толщиной по 1 мм относятся к новым, добавленным при реставрации в древности.

кожи, швов или ткани) в один – три приема накладывали отдельные порции увлажненной массы (рис. 12). В результате образовывались неровные по толщине слои. Выпуклые места обкладывали дополнительно. На одном образце (Кривинское, ГЭ, кол. № 32) хорошо видно, что первый слой гипса клали справа налево, а второй слева направо. Верхние слои накладывали для выравнивания поверхности и создания объема. Если они были положены на уже высохшую поверхность, то на изломах можно увидеть чередование слоев, если на влажную, то границы между слоями не прослеживаются. Толщина основного или основных слоев по краям 5 – 10 мм, а в выпуклых местах 10 – 20 мм. Поверхность дополнительно выравнивали жесткой кистью или скребком и наносили отделочный слой толщиной не более 1 мм. Он же был подготовительным под грунтовый или красочный слой, а также роспись; толщина каждого из них была менее 1 мм. Чем тщательнее была изготовлена маска, тем больше на ней косметических (отделочных, грунтовых, красящих) слоев. Самые простые маски состоят из неровного основного и отделочного слоев. Между основными слоями самых сложных тепсейских масок были проложены тончайшие побеги можжевельника, ивы, березы. В обожженных масках древесина выгорела, но отверстия от нее хорошо видны [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 219]. Пустоты, оставшиеся от выгоревшей органики (на расстоянии 4 – 5 мм), доказывают, что побеги служили арматурным растительным материалом, а не наполнителем теста. Судя по регулярности этих пустот, арматурный материал использовался также при изготовлении масок, найденных у д. Сарагаш и с. Кривинского [Вадецкая, 1999, рис. 48, 1 – 4; 52, 4 – 8]. Сарагашенские маски состоят из двух слоев – основного из гипса с небольшим количеством железоокисных соединений и подготовительного (толщина менее 1 мм) из очищенного гипса. В основном слое имеются следы древесной арматуры (рис. 13, 14).

Краски (белая, голубая, серо-зеленая, коричневая, красная) для росписи масок изготавливали из земляных пигментов. В качестве красной краски использовали киноварь. Черную и серо-голубую краски делали из древесного угля. Узоры наносили по-разному: рисовали поверх грунта или выскабливали окрашенную поверхность до грунта.

Еще во время первых раскопок А.В. Адриановым были отмечены маски с новыми слоями гипса на месте загоревших старых [Вадецкая, 1999, с. 279]. Следы древней реставрации обнаружены на многих масках. Микроскопическими анализами их наличие установлено на половине исследованных образцов из тепсейских склепов [Вадецкая, Гавриленко, 2002, с. 220]. На некоторых находках обновлены только

отделочный и красочный слои, причем для этого использовались чаще всего такие же краски, какими была сделана старая роспись. В качестве примера приведу фрагмент лба маски № 217 из склепа 2 под г. Тепсей. Толщина первого слоя, который наносился порциями, составляет 7 – 8 мм, второго – пятого (промежуточные) – 2 – 3 мм каждый (в слоях имеются отверстия, заполненные растительным материалом – древесиной и сердцевинкой березы), шестого (отделочный) – 1 – 2 мм. Седьмой слой – тончайший грунт. Восьмой слой окрашен киноварью со следами красной охры, разрушен и восстановлен новым подготовительным слоем (толщина 1 мм) и грунтом. На нем жесткой кистью заново намечены белые полосы, а остальное пространство окрашено такой же краской (киноварь), смешанной с охрой (рис. 15).

Лишь на одном фрагменте поверх старой краски (красная охра) на новый грунт нанесена киноварь (рис. 16). Маски реставрировали, как правило, до трех раз, но отделочный слой мог обновляться до пяти раз (рис. 17). Так, на одном фрагменте маски № 199 из склепа 2 под г. Тепсей два нижних слоя (толщина 1 – 2 и 5 – 9 мм) покрыты отделочным и красочным (толщина по 2 мм) слоями. Остальные верхние слои (пятый – десятый) толщиной по 1 мм относятся к “новым”, отреставрированным в древности. Частая реставрация свидетельствует о том, что вместилища пепла человека (своеобразные урны в виде мягких кукол и бюстов), частью которых являлись маски, очень долго где-то хранили, перед тем как поместить прах покойника в могилу.

Заключение

Таштыкские маски по смыслу и технологии не соответствуют ни современному, ни этнографическому определению “маска”. Нет им аналогов среди археологического материала. Маски лепили, видимо, не сразу после смерти человека, а спустя какой-то срок, на протяжении которого мертвый или его имитация еще считались живыми, т.е. могли видеть и дышать через прорези в “наглазниках”, “наротнике” и лицевых покрывалах. Изготовление маски с закрытыми глазами было констатацией смерти и последним актом обрядности покойника для хранения и дальнейшего опознания. Поэтому за видом маски следили, ее ремонтировали. Состав теста, которое использовалось при изготовлении масок, со временем изменялся мало. Прочность наиболее хорошо сохранившихся масок – результат продуманной технологии, которая предусматривала, в частности, наложение большого количества основных и отделочных слоев, а также использование древесной арматуры. Такие маски нельзя было снять с формы, не разру-

Рис. 18. Маска куклы, Усть-Тесь (ГИМ, кол. 78175, № 37) (раскопки С.В. Киселева, 1932 г.). Белая, со следами сплошной красноватой окраски. Прорези глаз нарисованы черной краской.

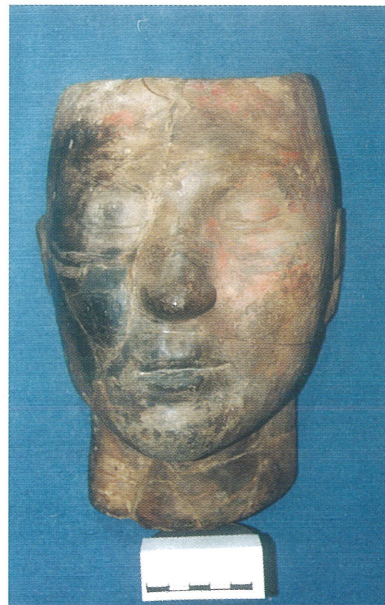

Рис. 20. Бюст без подставки, Уйбат, склеп 11 (ГИМ, кол. 79956, № 21) (раскопки С.В. Киселева, 1936 г.). Светло-коричневый. Первоначально был окрашен красной краской, местами закопчен до черного цвета. Поперек носа нарисованы две черные полосы шириной 4 мм.

Рис. 19. Бюст, Кривинское (ГИМ, кол. 69773, № 35) (раскопки С.В. Киселева, 1928 г.). Желтовато-коричневый, местами закопченный. Следы красной краски на щеках и губах, голубой – под ухом.

шив их технологические отличия, отражающие не только хронологические, но и пространственные (характерные для групп населения, проживавшего в разных районах) особенности.

Поскольку маски произвольно лепили на кожаных формах, они не могут быть индивидуальными портретами. Между тем, по общему признанию, маски передают внешний облик двух групп людей, живших в бассейне Енисея в V – VI вв., преимущественно монголоидов, реже европеоидов. Д.А. Клеменц увидел (о. Тагарский) в масках скуластые, плоские лица (см. рис. 9) и только одно с чисто европейскими чертами (см. рис. 8). [1886, с. 2]. Близкую характеристику маскам из Сарагаша дал С.А. Теплоухов: широкие, иногда плоские лица с широкими носами, часто с низким переносьем (см. рис. 13) [1929, с. 51], хотя одна из них явно похожа на “европейскую” с о. Тагарского (см. рис. 14). С.В. Киселев разделил маски с правого берега Енисея на три физиономические группы – древнюю европеоидную (рис. 18), монголоидную (рис. 19) и смешанную [1935, с. 5]. Наконец, антрополог Г.Ф. Дебец, измерив собственным методом 27 отреставрированных масок, преимущественно с р. Уйбат (рис. 20), пришел к выводу, что они представляют смешение европеоидных и монголоидных черт. Запечатленные лица в целом ближе всего к уральскому типу и напоминают современных шорцев, барабинских татар, хакасов, обских угров [1941, с. 29]. Между тем, как указывалось, даже маски, вылепленные на лицах, но через покрывало, не всегда соответствуют антропологическому типу покойника, поэтому вопрос о степени “портретности” масок остается открытым.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь: Приложение. – Красноярск, 1903а. – 16 нояб., № 249.
- Адрианов А.В.** Оглахтинский могильник // Сибирская жизнь: Приложение. – Красноярск, 1903б. – 3 нояб., № 254.
- Вадецкая Э.Б.** Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чая // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 59 – 65.
- Вадецкая Э.Б.** Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // КСИА. – 1986. – Вып. 186. – С. 33 – 41.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 236 – 246. – (Археология СССР).
- Вадецкая Э.Б.** Маски из таштыкских склепов. Некоторые аспекты технологии и семантики // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 98 – 106.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 438 с.
- Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С.** Технология изготовления масок из таштыкских склепов под горой Тепсей // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 2. – С. 217 – 224.
- Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.** Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 36 – 47.
- Горощенко К.И.** Курганные черепа Минусинского округа. – Минусинск: Б.и., 1900. – 40 с.
- Грязнов М.П.** Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89 – 146.
- Дебец Г.Ф.** Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры // Краткие сообщ. о науч. работах Института и Музея антропологии за 1938 – 1939 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 29.
- Киселев С.В.** Маски из древнейших чаа-тас // Изв. гос. музея им. Н.М. Мартянова. – Минусинск, 1935. – № 1(12). – С. 1 – 16.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Наука, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).
- Клеменц Д.А.** Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох: Атлас. – Томск: [Тип. “Сибирской газеты”], 1886. – 13 табл.
- Коваленко Т.** Реставрация гипсовых погребальных масок // АСГЭ. – 1972. – Вып. 35. – С. 78 – 79.
- Кызласов Л.Р.** Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад // Наука и жизнь. – 1969. – № 2. – С. 93 – 96.
- Липский А.Н.** Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краевед. сборник. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. – С. 11 – 92.
- Маски погребальные** // Большая советская энцикл. – 1974. – Т. 15. – С. 438.
- Медникова М.Б.** Трепанация у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 303 с.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии России. – Л.: Русский музей, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 6 – 62.
- Kyslowsky L.** Das Grabmal am Jenissej // Ideen des exakten Wissens. – 1971. – N 8. – S. 517 – 522.

Материал поступил в редколлегию 11.11.03 г.